

В тот вечер Артему особенно не хотелось жить. Всего его скручивало. Сердце билось во вздувшихся венах на шее. Да еще канистра, оттягивающая правую руку, нестерпимо воняла бензином так, что даже порывистый полевой ветер не отгонял, а, наоборот, бросал запах в лицо — на, мол, кушай! Но он шел — упрямо, набычившись, глядя, как ноги топчут пожухлую коричневую с прозеленью траву. Шел, а хотелось упасть и умереть. Или просто упасть и лежать, раскинув руки, лицом вниз. Время от времени Артема мучила мелкая, противная похмельная дрожь.

— Она, может, где-то тут, рядом, и будет. В четыре полосы. — Резкий голос оказывался то чуть впереди, то сбоку, но всегда слева, там, где самая боль. — Вот тут все и заживет!.. Это же такие люди серьезные! Это же лиу-у-уди!

Артем посмотрел на Тоху — высокий и худой, на полголовы выше него, вышагивает, будто легкость в нем пружинистая. Потертые джинсы и камуфляжная куртка. Коротко стриженная голова. И вечное выражение — будто он в детстве съел что-то кислое, да так и остался с оскверненным то ли гримасой, то ли ехидной ухмылкой лицом.

«Надо же, живчик, — с завистью подумал Артем. — Огурец! Наравне же пили... Да когда ж ты заткнешься?!»

Но знал: не заткнется, хоть в харю бей. Таков он — Антон, Тоха-Паха. — Вот как пыхнет, и ветер огонечек маслицем размажет! — Хитро сощуренные глаза Тохи блестели.

Артем понимал: то были не его слова. Еще с давних школьных лет — хоть они и не дружили-то никогда, так заносило в одну компанию, никогда Артем не замечал раньше, чтоб Тоха-Паха так слащавил. А тут, стало быть, выпил с этими «лиудьми» по стопке да нахватался, аж губами причмокивает.

— Чего они... тца... жить-то мешают? Какой от них прок?

До домов было еще далеко. Неровное, вытопанное коровами поле тянулось к горизонту, низкому из-за сплошных серых облаков, и где-то там, вдаль, смыкалось с ним. И ничего-то вокруг не было. Только неуместно торчал, качая большой медной головой, подсолнух с выклеванной птицами сердцевиной — широкие сухие листья его были опущены, точно он в нерешительности пожимал плечами, — да поднималась время от времени до колена ломкая трава. И больше ничего, лишь они — с канистрами в руках.

Тоха забежал вперед, едва не споткнувшись о какую-то кочку, и, заглядывая Артему в лицо, выпалил:

— Я им говорю: есть у меня человек, друг — это ты! — и мы вдвоем! Только чисто надо. — И вновь поравнявшись: — Таких людей нельзя подводить. Это же люди!

Время от времени — не так часто, как хотелось бы — его голос куда-то пропадал. И ветер гудящий пропадал. И пульсация в голове. Артем оказывался на блаженные мгновенья в тишине, только чувствуя, как при каждом шаге земля бьет в пятки, — засыпал он, что ли?

— ...Стоят тут никчемушные. А городу жить надо... тца... развиваться! Ему надо, чтоб люди были счастливы. Понимаешь — счастливы! Чтоб им за хлебушком не в магазин, а в торговый центр! И чтобы заправочка. Тут столько людей проезжать будет — весь мир на нас полюбуется. Разрастемся!

Артем попытался представить, как город будет разрастаться, но представилась какая-то муть — бесформенная масса, наползающая в поля.

«Ага, — раздражаясь, думал Артем. — Разрастаться! Это они расти будут и пухнуть, эти твои «лиуди»... А не один ли хрен, лишь бы с деньгами не обманули».

Ему вспомнилось, как сам он так же горланил, там, на квартире, кивал головой, повторяя одно и то же — про дорогу, про магазины, свет электрических фонарей и про сумму, что ляжет в карман, — стараясь переплюнуть в этом Тоху. Как опрокидывал стакан за стаканом, не чувствуя опьянения, лишь приятно шумело в висках, да хотелось перегнуться через стол и обнять эту худую фигуру, крепко хлопая по плечу. А еще хотелось музыки и совсем не хотелось спать. И только в один короткий момент Тоха вдруг устало откинулся на спинку стула, понизил голос до шепота:

— Только... это... тихо надо. Чтобы ни одна душа. Я, если что, второй раз-то на зону не хочу...

Артем тоже откинулся на спинку стула.

В окно прокуренной комнаты билась пустая, оглохшая ночь.

Нет, он, конечно, трепло, этот Тоха. Кошкарровка город небольшой, и каждый в округе знал, что Тоха-Паха ни на какой зоне не был, а только на пятнадцать суток ходок. И даже наколка с якорем у него на плече на-

бита по дури, так как моря он и в бинокль не видел. Но теперь Артем с отчетливостью понял, что неспроста все — веселье, галдеж. На дело идет. И если что — решетка. Артему сделалось страшно и душно.

Но вот снова водка забулькала в стакан. В голове приятно загудело. Снова смех, шум голосов, поддакивающих и одновременно перебивающих друг друга. И так — пока не пришлось расходиться по койкам, хватаясь за все, что попадется под руку, потому что пол качался, как табуретка под ногами самоубийцы.

«На дело, — и сейчас подумал Артем, отвлекаясь от назойливого голоса. — А деньги-то хорошие. На них жить можно хоть до зимы. А может, в ход пустить — ведь как-то пускают деньги в ход. Осточертело жить от попойки до шашки».

Холодало. Правая рука у Артема замерзла, и он взял канистру в левую. Надо было кофту надеть, да какое там — когда уходили, он вывалился из подъезда точно из духовки, в которой его медленно тушили. Он даже распахнулся, а шапку, скомкав, сунул в карман застиранной до бесцветья куртки. Тогда ему было душно, солнце напрягало больной затылок. А погода испортилась — не до ноября же теплу стоять. Артем сунул руку в карман, но шапки не было — выпала. С досадой Артем провел закоченевшей ладонью по русой, начавшей лысеть голове.

— ...Сами виноваты... тца... Была бы земля ничья, а так иди, найди этих собственничков. И все денюжку заламывают. А когда слух дойдет — так и вовсе заломят! Это ведь мы с тобой образованные люди — а они так, пиявки колхозные, шелупонь жадная. Переселяй их!.. А витрины-то будут гореть — от одного вида слюна потечет!..

«Нет, — все думал Артем. — Не подписали бы трепло на такое дело. Может, еще кто-то был, да сдулся, не захотел по тигулям лазать — перекинул на дурака. Жаль. Может, денежек побольше было бы. Ну и то хорошо, что столкнулись вчера, пузырь взяли — сам хоть подвизался. А Тоха этих людей своих, может, и в глаза-то не видел!»

Так, провалившись в громоздкие, как земляные глыбы, мысли, Артем не сразу заметил, что на горизонте появились дома — щербатая линия пеньковатых зубов, прикусивших взбухшую губу небес. Улица Первомайская, по местному Шушуны, отходила от города вдаль, по касательной, словно расправленное крыло в забытом стремленье взлететь. Где-то там по плану (Тоха эти слова говорил значительно: «По плану!») и должна пройти трасса, раскидывая вокруг кафешки и заправки, мотели и гамбургерные, раскидывая вокруг деньги, которые кто-то знает, как собрать.

При виде домов у Артема на душе стало тоскливо, будто все это время он не сам шел, будто его вели как телка — непонятно куда, в неведомые дали. Чтобы хоть как-то отогнать это ощущение, Артем попытался вернуться к мыслям о деньгах. Но больше не думалось.

— Тоха, — позвал Артем, поражаясь хриплости собственного голоса; язык шкрябал по сухому небу. — Антон, ты с деньгами, что делать будешь?

Спросил и тут же себя отругал.

Тоха выпучил глаза:

— Я ж говорил — я на них жить буду! Я, знаешь ли, не какой-то там алкаш! Куплю себе чего-нибудь... Ну, перво-наперво обмою — так грех не обмыть. Но я не это, не алкаш какой-нибудь. У меня образование! Я, может, тоже в больших людях мог гулять! Но это... Там все... Там же все куплено! И между своими — попробуй пролезь! А задницы я лизать не

умею — не такой я человек. У меня совесть и принципы! Никогда до такого не опускаюсь!.. А так я, может, тоже в кабинете мог сидеть!.. Ну, об- мою... Коньячок там... Ты коньяк пьешь? А там... Мне к зиме ботиночки — вторую пару. И телефон хочу, чтоб фото, все такое. А ты — как?

Артем почувствовал, что тоже хочет и ботинки к зиме, и телефон, но хороший — они у него не задерживались: всегда ломались или терял. Ну и, конечно, обмыть — не водкой из-под полы и не самогоном, от которого раздрает изжога. И чтоб закусывать не яичницей. Но ответить хотелось иначе, не по-тохиному, а чтобы выше, чтобы он умылся своими мечтами.

Он наморщил лоб, ощущая в голове пустоту, звенящую как будильник. Но тут вдруг всплыло совсем забытое — неожиданно, как спасательный круг в бурунах.

— Подарок куплю, — выпрямив спину, сказал он. — У меня дочь есть.

— Это которая с Ленкой осталась?

Артем прикусил язык и у себя в голове Тохиным голосом продолжил: «Да, и фамилия у нее теперь не Михнова, и подарок твой ей и к черту не нужен». Но внезапно возникший образ его дочери — отчего-то не лицо, а затылок, белеющий широким пробором, оттянутым толстыми косами с большими белыми бантами, школьная форма и синий, с Микки Маусом рюкзачок — какое-то время плыл перед ним, пока не стал тускнеть, превращаясь в редкую серую траву.

— Темыч! — шепотом в самое ухо.

Тоха вцепился Артему в руку, дернул вниз. Они оба повалились на землю. Канистра выскользнула, в ней громко бултыхнулось.

Ошарашенный, Артем не успел и охнуть. В гневе ему захотелось вско- чить, вмазать с ноги по ухмыляющейся роже. Но вид напряженного лица Тохи тут же остудил. Он только чуть приподнял голову над невысокой травой.

Дома значительно приблизились. Отчетливо виднелись черные стол- бы электропередач. До Артема донесся нарастающий стрекот моторов. Артем различил, как там, чуть ближе, чем сами дома, мчатся два крас- ных пятна — мотоциклы, «Явы» или «Ижи». Ему показалось даже, что он различил и подростков, что сидели на них; показалось, что к спине одного прижалась девчонка. Даже — сквозь расстояние и звук движков — что они перекрикиваются между собой.

— У-у-у, — злобно протянул Тоха, вставая и отряхиваясь. — Мест- ные. С Юрасовки. Шакалятся тут!

— Почему шакалятся? — спросил Артем, садясь. Ему стало обидно — и за себя, и отчего-то за этих ребят. Хотя с юрасовскими у него всегда была напряженка, но вот таким же пацаном он и сам гонял по полям на своем «ижаке». А сзади, прижавшись всем телом, прильнув горячей щекой к его спине — Ленка...

Ему тут же захотелось сплюнуть, да во рту было сухо. И зачем толь- ко вспомнил про нее? Променяла. Всю жизнь разорвала, как штанину на тряпки...

Звук моторов стихал вдали.

— Хорошо. Вот пускай теперь докажут... тца... что это не шелупонь юрасовская спичками баловалась. Может даже, эта вон самая...

— Почему шакалятся? Что за слово такое? — еще раз спросил Артем, но Тоха не ответил.

Вставать Артему не хотелось. Только сейчас он почувствовал, как с непривычки гудят ноги и нудно тянет в пояснице. Но он все-таки встал, поднял блеснувшую алюминиевым боком канистру и поплелся вслед за Тохой, угрюмо глядя себе под ноги. В затылке запульсировало с новой силой.

Темнело — казалось, что мир и без того серый, становился все тусклее. Время от времени, отрывая взгляд от земли, Артем видел, как приближаются дома — их редкий деревянный порядок расходился в стороны, как мехи баяна. Уже отсюда была видна их старость. Заросшие палисадники — то кустами одичавшей малины, то желтыми оползнями хмеля, то совсем непонятно чем. Голые деревья растопырились узловатыми ветками: яблони, груши, сливы — отсюда не определить; лишь выделялись на фоне серости белые, как в мыльной пене, березки. А из всего этого плетенья стеблей и веток торчали железные колпаки крыш, да кусками порванных картинок виднелись фасады — некогда яркие, синие или красные, а теперь словно оттертые пемзой. Вот выглядывал из кустов черный стеклянный глаз окна в толстой подводке резного наличника. Тут — аккуратная ставенка. Кое-где на повернутых к улице фронтонах зияли небольшие провалы чердачных окошек. Вот сорванный желоб отлива повис нахмуренной бровью. Изредка проглядывались резные узоры на причелинах и еле видные отсюда зубцеватые «сережки» на подзорах. Маленькие крылечки по-щепячьи прижимались к домам, сами напоминающие маленькие домики — двухскатными крышами, резными стойками.

Артему уже было видно, что от рогатых столбов электропередач только к некоторым домам тянутся провода. Да, жизнь в Шушунах была редкой, разрозненной. Многие дома пустовали, а те, что не пустовали, заполнялись лишь в летние месяцы, на неделю-другую, когда из дальних больших городов приезжали дачники — попить пива, пожарить шашлыков, сходить с удочками на Червянку или, поддавшись трудовому зуду, поковырять лопатой землю или прибить какую-нибудь доску к дому, что достался от матерей, а то и от бабок. Но и дачников было с каждым годом все меньше. Сейчас здесь и вовсе было пусто. Улица походила на что-то летаргически-сонное, будто вступающие в права сумерки упокоили каждый дом, все их тесины и бревна, оставив в глухоманном уселенском безлюдье — до бесконечно далекого теперь лета. И только они, Артем и Тоха, двигали прямо к центру застывшего уличного порядка — ведь если не все стгорит, может еще придется сходить, еще доплатят...

Тоха зашел на новый круг, повторяя о красивой жизни, ровном асфальте. «Здесь будет город-сад!» — вонзилось Артему в ухо. Но чем ближе они были к домам, тем голос у Антона становился все тише, превращаясь в невнятный шепот, а шагало быстрее, и Артему поневоле пришлось принаравливать, чтобы не отстать. Задыхаясь от непривычного хода, Артем обратил внимание: Тоха сгорбился, будто некая сила заставляла его хорониться на ровном месте. Он и сам вдруг понял, что втянул голову в плечи не только из-за холода.

Дорогу они и вовсе перебежали, точно та обстреливалась. Хотя и дорога-то была — две еле заметные полосы.

Они повернули за заросший сухой крапивой палисадник и уперлись в высокий, черный от времени забор.

Тоха остановился. Артем опустил на землю канистру и принялся растирать озябшие руки, всю дую на них горячим, сильным от усталости дыханьем. При этом он медленно оглядывался, тупо подмечая, что и па-

лисадник-то не паласадник, а так — жердины обвалились, из заостренных штакетин остались, дай бог, две-три. А дом ближайший чем-то отдаленно напоминает его отчий, что был когда-то на улице Столовой. Вот так же слегка подседал он к одному краю, где фундамент начинал сыпаться. Вот так же фронтон поднимался высоким синеватым лбом, и что-то общее было в запертых на крючок ставнях. Только наличники в его доме, кажется, были простыми, а не как тут, волной, с вырезанными сердечками посередине. Артем глядел на дом, и ему вдруг подумалось: если полы внутри не вздулись, не пошли кривым плясом — в таком вполне еще можно жить.

Он поглядел вверх: тучи грузно скреблись о печную трубу. Ветер крепчал, становился ледяным.

«А ведь так огонь до Юрасовской улицы догонит», — пришла вялая мысль.

— Тоха, а ты взял?..

— А как же! — не дал закончить Антон. Будто прочитав его мысли, он вытащил из кармана джинсов синий кирпичик кнопочного телефона. — Во! — И, переходя на какой-то пародический бас: — Вот если разойдется — в пожарку! И город не сгорит, и хлопцы, глядишь, медальку какую получат. И всем хорошо. Только без лишних слов — горит, мол, и все! И телефончик — в огонек... Эх, — сказал он уже своим голосом, заговывая телефон в карман. — Такую дрянью... Получше-то пожалели.

— Да, — откликнулся Артем, от холода лягнув зубами.

Тоха вернулся к работе — все это время он возился с забором, поочередно давя плечом на каждую доску. Одна из них наконец-то хрустнула, переломившись пополам. Тоха свернул одну часть, отодрал вместе с гвоздями другую.

— У, гнилушка, — недовольно просипел он, взвешивая деревяшку в руках. — Давно пора это все...

Но фразу он не закончил — отбросил кусок доски, поднял канистру, полез в образовавшуюся щель.

Артем тоже нехотя взял свою канистру и протиснулся вслед за ним.

Двор встретил ветками, что словно в защиту старались ткнуть прямо в лицо. Весь он зарос худыми сорными кленами со сливово-фиолетовыми верхушками, на которых вместо листьев висели сухие крылатки. Антон ломился через этот нарождающийся лес, как медведь, отощавший за долгую зиму. Тихими выстрелами ломались гибкие ветки. Где-то поодаль шумно взлетела стайка воробьев, будто их горстью подбросили в воздух. Артем шел, прикрывая свободной рукой голову, стараясь, чтобы согнутые Тохой ветки не хлестали по лицу. Под ногами шуршал ковер из коричнево-желтых листьев.

Тоха остановился — Артем едва не ткнулся ему в спину. Здесь было чище — свободная от кленов прогалина шага в четыре. Лишь в самом центре ее торчал невысокий орешник с не успевшими облететь янтарно-красными листьями.

Задняя сторона дома оказалась рядом — вся обитая плитами ДСП; от дождей они разбухли, щедро осыпавшись стружкой. Сиротливо выделялась только замкнутая на всячий замок дверь, да маленькое, в две ладони, оконце. Через ветки проглядывались бесформенные груды сараев, точно выползшие из мерзлоты спины мамонтов. Тоха, постояв мгновение, с хозяйской сноровкой полез в их сторону. Артем пошел было следом, но сделал только пару шагов, как Тоха вернулся с охапкой досок и свалил

их у орешника. Он снова куда-то пошел, теперь в другую сторону. Артем и тут успел всего пару шагов сделать — поляя, как дудка, гнилуха полетела из Тохиных рук в кучу. Тогда Артем поставил канистру на землю, сунул руки в карманы. С бестолковой, тупой тревогой Артем понял, что не знает, что ему делать и куда себя деть. Они ведь даже не говорили об этом, всю ночь напролет пьяно строя планы на незаработанные еще деньги, да восхищаясь невидимым еще юным городом... Да он и сам ни разу не подумал: «А как будем жечь?»

Ветра тут не было — не проходил сквозь заборы и ветки, — но Артема уже трясло так, что стучали зубы, протряхивало до самой сжавшейся вдруг души. В сухом горле саднило. Ледяные мурахи бегали по спине.

«Ну вот, — со злобой подумал он. — Соплями изойду».

Груда веток и досок поднялась меж тем чуть не до пояса. Тоха подгреб сухие листья ногой, взялся за канистру.

— Ну, — сказал он, размыкая ее железное горло.

Синеватая жидкость плеснулась на кучу.

Суетясь, Тоха опять полез в сторону сараев, почти пропал там, затем неожиданно появился у дома, щедро поливая бензином и стену, и маленький, в три ступеньки, порожек. От кучи потянуло резким, прошибающим до затылка запахом.

Тоха вернулся к Артему. Крышка канистры с металлическим щелчком встала на место. Тоха похлопал себя по карманам и, наконец, нашарил спичечный коробок. При виде спичек Артем с удивлением подумал: все это время — сколько они там шли, час, полтора? — он так ни разу и не закурил. Язык начал пухнуть — так захотелось втянуть в себя теплый табачный дым.

Тоха чиркнул спичкой — маленький огонек загорелся в согнутой ладони. Тоха поднес его к раскрытому коробку — тот с шипеньем превратился в огненный шарик, который тут же полетел в кучу.

Огонь вспыхнул, громко охнув. Мир будто бы дрогнул, сделал невидимый поворот вокруг оси, в центре которой горел костер. Рыжие языки, приплясывая, потянулись вверх, пытаясь взобраться на небо. В лицо Артему дыхнуло жаром. Ему вдруг стало легко, будто огонь разом выбил из тела и холод, и похмельную тяжесть. Ушла из затылка боль, и весь он распрямился, подался вперед, чувствуя, как расходятся в неясной улыбке губы. Щеки его враз раскраснелись. Он протянул к огню руки, и в них начало приятно покалывать — будто старой кожей слезал с них уходящий холод.

— Ну как? — довольно протянул Тоха.

— Хорошо, — искренне ответил Артем, чувствуя, как здорово дышать горячим воздухом, как приятно втягивать его в легкие, раздувая грудь так, будто он никогда ими и не дышал. — А я тут чуть не околел! — усмехнувшись, добавил он.

— Что? Да я для тебя такой костер сейчас забабахая! Да я ради тебя... Ты ж друг мой — мне для тебя ничего не жалко. Не такой я человек, чтоб друзей в беде бросать!

«Эх, — подумал Артем. — Жалко все-таки, что пузырь с собой не взяли. Сейчас бы накатить, да пройтись по этой улице в пьяную обнимку. Да орать во всю глотку песню — один пес, какую!»

Огонь гудел, потрескивал. Языки его дрожали, то взлетая, то опадая, переливаясь от желтого к оранжевому, от оранжевого к пурпурному, от пурпурного к багровому, — и плясали, плясали, плясали. Струя дыма те-

куче поднималась по орешнику, и оттуда, из черного нутра, сыпались красные листья, вспыхивая на лету.

От тепла у Артема заслезилась глаза. На душе становилось все веселее, все развязнее. Он вновь распахнулся, едва не сорвав пуговицы. Он подружески ткнул Тоху в плечо, заметив, что и тот ухмыляется во все тридцать два зуба. Огонь бросал на Тохино лицо гротескные тени, от которых глаза казались бездонно впалыми, а нос непомерно большим — Артем чуть не заржал в голос.

А мир за кругом огня, наоборот, показался Артему теперь тусклым, будто там и не было ничего. Он поглядел вверх. Дым загибался в вышине кочергой; там, где ветер подхватывал его, в сторону невидимого, а может, и не существующего города, тянулась черная, широкая, как трасса, полоса, будто пропаханная в темных облаках. От зрелища черного, давящего небосвода у Артема закружилась голова.

Тоха как-то медленно, опасно вытащил из огня палку, горящую с одного конца, как факел. Он помпезно вытянул ее вперед, словно только что сворованный Прометеев огонь.

— Ну, с Богом! — громко сказал он.

И швырнул ее в сторону дома.

Палка стукнулась о стену, плюнулась искрами и, совсем потухнув, упала на бетонную отмостку.

На какой-то момент Артему показалось, что ничего не произойдет. Но тут на шершавой, как старческая кожа, стене возникла красная змейка. Огонь разлился, пополз все выше и выше.

Тоха вытянул из костра еще одну головню, кинул в ближайшие кусты. Там тоже покраснелось. Какая-то полая будылка засвистела свистом, переходящим в вой.

Но тут дым от костра неожиданно побледнел, опал горьким, удушливым облаком.

— Темыч, — кашляя, выдавил Тоха. — Ходу!

Они похватили канистры и, согнувшись чуть ли не до земли, попытались вырваться из объятий дыма — дым все никак не кончался. Ничего не видя, Артем налетел на толстый, в ногу, ствол. Часто моргая, он пытался привыкнуть к щиплющей темноте, залившей глаза после яркого огненного мерцанья. Но вот, наконец, вечерний холод обдал сыростью. Артем различил новый невысокий забор с широкими прорезами. Откуда-то взялась сила — густая, пружинистая, приятным жаром заполнившая все тело. Выдыхая целые дирижабли пара, он первым нырнул в прорезу забора.

Этот двор оказался теснее из-за сараев и каких-то бестолково сколоченных кильдиминов. Повсюду валялись коляски неколотых дров. Артем открыл свою канистру и с оживлением, даже азартом стал поливать все — и землю, и дрова, и столбы, и бока сараев. Бензин с глыканьем плескался наружу. Заметив в траве черепаший горб алюминиевого таза, Артем с досадой успел подумать: «Надо было пройтись сначала, собрать всю железку — хороший бы вышел прибавок». И одновременно удивился: «Неужто юрасовские сюда не лазали?» Артем разошелся так, что даже плеснул бензином на бетонные вьюшки колодца, прикрытого шифериной.

Следующий забор был крепким, тесины прижимались друг к другу вплотную. Не сговариваясь, они с Тохой попытались выбить одну из них, одновременно пнув. Тесина поддалась только со второго удара. Они пролезли в образовавшееся отверстие — спеша, не желая пропускать один другого.

Новый двор был просторней, чище. Травы тут, кажется, не было вовсе. Земля засеяна линиями утоптаных дорожек, а между ними в рыхлом паханном грунте рядами торчали привязанные к кольям мумии помидорной ботвы и похожие на кулаки подгнившие капустные вилки. По стенам забора стояло несколько аккуратных сарайчиков, деревянный нужник и пара клетушек на высоких ножках — видимо, когда-то держали кроликов. Слева от Артема поднималась утесом прикрытая клеенкой поленница. Сам дом и отсюда, со двора, щеголял резными причелинами и витиеватыми наличниками на окнах. Голубоватая краска на стенах облупилась, но осыпаться еще не успела. На фронтоне под самой крышей висел лосиный рог телевизионной антенны. По всему видно — дачники гостевали тут летом.

Артем плесканул бензином на поленницу. Тоха ринулся к сараям.

В канистре у Артема осталось меньше трети. Он не стал транжирить — подошел к дому вплотную и, стараясь не проливать на землю, начал обрызгивать стены, красную дверь, невысокий порожек. От запаха бензина во рту сделалось горько. Артем пытался не смотреть назад, но и так слышал, как через двор всюю уже трещит, всюю гудит и ухает огонь. Мир с того края будто подсвечивался яркими желтыми фонарями. Краем глаза он все-таки замечал тюрбаны пламени, время от времени взлетающие выше заборов. Огонь будто змеился, заморожено плясал, как вызванная факиром кобра. Дым плыл над головой так низко, что до него, казалось, можно было дотянуться.

Тоха возился на другом краю двора, обливая бензином кроличьи клетки.

— Тоха! — крикнул Артем неожиданно сломавшимся голосом. — Стой!

Артема пригвоздило к месту. Ему показалось, что не чье-то лицо пятится на него из-за перекрестья оконной рамы, а сам приговоренный к сожжению дом смотрит...

Какое-то время Артем так и стоял — согнувшись, прижав канистру к груди. Затем, не отдавая себе отчета, бросил канистру, перемахнул через порог, рванул дверь на себя. В лицо ударило домашним, пахнущим блинами теплом. Артем ввалился внутрь, ударившись бедром о зазвеневший стеклом сервант, завернул в правый дверной проем. Так и есть — там, у окна, развернувшись теперь к нему, сидела то ли на табуретке, то ли на каком-то ящике старуха — худая, с узким, сморщенным, как сухое яблоко, лицом. Беззубый рот у нее был сомкнут. Под правым глазом, размером с пятак, краснело неровное родимое пятно.

И ничего больше Артем вокруг не видел. Кажется только, что под потолком покачиваясь от ворвавшегося потока воздуха, горела тусклая лампочка, да прошмыгнул под ногами рыжий кот. Артем не мог оторвать от старухи взгляда. Он видел, что одета она в теплый плотный халат неопределенного цвета, поверх которого вязанная серая безрукавка. Голову обрамлял шерстяной платок, завязанный под подбородком. Сложенные в замок, костистые ладони покоятся на коленях. А глаза — водянисто-голубые, почти прозрачные — глядят ему в лицо, не мигая, со звонким испуганным напряжением.

Артем услышал, как, топая, в дом ворвался Тоха, и теперь, тяжело дыша, глядел поверх его головы.

Артем не знал, что ему делать. Его сковало — он, кажется, даже и не дышал. В голове стало как-то отчаянно пусто. Какая-то непонятная мусть полезла ему в глаза. Но тут губы его сами собой разомкнулись, и он, буд-то против воли, тихим безжизненным голосом вывел:

— Мать, уходи отсюда. Пожар.

Но она не шелохнулась, даже не моргнула — так и сидела, будто вырезанная из дерева идолица.

— Она же... — Тоха сдавленно дышал ему в ухо. — Она же видела, как мы...

«Господи, — подумал Артем. — Что она, глухонемая что ли?»

И уже громче, настойчивее добавил:

— Уходи! Пожар тут!

Он почувствовал, как тяжелая рука впиалась ему в локоть, с силой развернула. Они оказались с Тохой нос к носу. Артема обдало горячим, как кипяток, Тохиным взглядом.

— Ты что, не понимаешь? Она же видела, как мы... Это же решетка!

Артем понимал. Он понял это сразу, как только увидел лицо за стеклом, и понимание прищепками вцепилось ему в кадык. Понимание — будто к сердцу привязали груз, и оно, надсадно стуча, стало медленно, холодно опускаться куда-то вниз. Решетка. Потные — не продохнуть — камеры. Жесткие шконки. И на долгие, тянущиеся как кисель годы небо в клетку...

Артем, набычившись, вырвал свой локоть из Тохиных рук, вновь повернулся к старухе.

— Вставай! — крикнул он ей. — Уходить надо! Погорим тут все!

Артем услышал, как Тоха, топая, выскочил из дома, но тут же вернулся.

— Пойдем уже, — теряя терпение, как ребенку сказал Артем. Но старуха все сидела, видимо, от испуга не в силах пошевелиться.

Артем понимал, что должен сделать к ней шаг, поставить на ноги, но приближаться ему было страшно. Было страшно приближаться, как к горю, к жесткой полумертвой судьбе. И словно какая-то сила — старше его, сильнее его — старалась выдавить его из дома наружу. Будто чей-то шепот лез ему в ухо: «Ничего этого нет, и не было никогда! Уходи, кажется тебе».

Артем, наконец, смог разглядеть, что в дальнем конце комнаты на стене висит узорчатый ковер, а под ним поднималась кровать на высоких ножках, прикрытая белым пухлым одеялом. А старуха сидит все-таки на табурете, а рядом с ней стол, на другом конце которого немая коробка выключенного телевизора. По левую от Артема руку оказалась не стена, а выбеленный бок печки, от которой вовсю тянуло теплом.

Артем, наконец, решился — стряхнув невидимые, непомерно тяжелые оковы, сделал шаг. Но старуха, видимо, все-таки поняв, что от нее хотят, стала медленно, дрожа, подниматься сама. Одной рукой она оперлась на край стола, другой достала стоявшую за спиной палку с выструганным под ладонь сучком. Артем заметил, что за оконным стеклом начало светиться, будто там, среди темного уже вечера, загорался робкий, неясный рассвет.

— Тоха, — сказал Артем сухим бесцветным голосом. — Звони. Пускай тушат.

— Тушат?! — сорвался на крик Тоха. — Тушат?! Да брось ты ее! Это же решетка!.. Ты что, не видишь, она уже все!.. Ей, может, жить два дня и осталось!

Артем все-таки взял старуху под локоть, ощутив, будто под рукавом халата и нет ничего — так, одна тонкая косточка. Глядел Артем себе под ноги — жутко было встречаться с ее беспомощным испуганным взглядом, жутко было глядеть в лицо. И какой-то тугой, непроглатываемый ком перекрыл ему глотку. Оборачиваться не хотелось, и уж тем более не хо-

телось отвечать, но опять, будто зацепленный рыболовным крючком язык зашевелился помимо воли, и Артем сквозь зубы выдавил:

— У меня тоже мать есть. — И тут же поправился: — Была.

Старуха встала — сгорбившаяся, оказавшаяся ему по грудь. Артем осторожно потянул ее за собой, не глядя, спиной выходя из комнаты. Что-то белое и пустое раздувалось в его голове. *Решетка*, — подумал он, — *решетка*. Он еще раз постарался сглотнуть ком в горле, постарался не думать — ни о чем не думать.

Однако сильнее всего не хотелось наткнуться сейчас на Тоху. Не хотелось видеть его, ловить на себе бешеный взгляд. Хотелось, чтоб он, наконец, ушел или просто исчез. И на какой-то момент ему и впрямь показалось, что Тохи нет рядом.

Но тут крепкая рука с дикой силой развернула его. Артем почувствовал, как в бок что-то ткнулось.

Тоха отшатнулся. В узком просвете между ним и собой Артем с фотографической ясностью увидел блеснувшее, как серебро, лезвие ножа.

Небольшое, в палец длинной — ровное, чистое, без капли крови.

«Промазал», — подумал Артем.

— Су-у-ука!..

Но тут накатила боль, будто там, в кишках, что-то разорвалось.

Артем раскрыл рот, не в силах ни выдохнуть, ни вдохнуть.

— Ну и подыхай теперь тут! — отчетливо донеслось до него.

Тоха быстро сунул нож в карман и, резко развернувшись, выскользнул в открытую дверь, в густые дымные клубы, что уже заволокли мир, — растворился в них, будто и сам состоял только из режущего глаз дыма.

Перед Артемом все затуманилось, поплыло. Он запустил ладонь под рубаху, и хоть рана оказалась выше, а жидкость из нее сочилась горячая, густая, он с огорчением подумал: «Вот, обмочился».

Дым лез в дом, волной струился по потолку — все Артему виделось как через воду. Он развернулся к старухе, чуть не повалившись. Старуха попыталась отступить, но Артем крепко ухватил ее за теплую сморщенную ладонь. Сгибаясь от боли, прижимая рану рукой, он вновь потащил ее, теперь в другую сторону, ведь где-то там, ведь должна быть другая дверь — на самую улицу.

Слеповато моргая, он налетел на какое-то ведро, ударился ногой о трюмо, но практически не почувствовал этого. Тело его стало бесчувственным, глухим, как соломенная набивка; только одно жило, жадно вопя, горя и пульсируя — рана, будто в нее сунули горящую головню.

Артем уперся в дверь, надавил плечом — та не поддавалась. Из глубин, от самой диафрагмы, поднялась паника, но он тут же сообразил, что дверь нужно тянуть на себя.

Петли заныли. Дверь, скребя об пол, тяжело отползла и застряла, не раскрывшись и наполовину. Дверная ручка, густо измазанная теперь кровью, скользнула под слабыми пальцами.

Артем сгреб старуху и, поражаясь ее легкости, будто это был слабо дрожащий обернутый в халат пучок сухих веток, полез в образовавшуюся дверную щель.

С крыльца он чуть не упал, промахнувшись мимо ступени, но чудом смог сохранить равновесие — он только сильнее прижал хрупкое тело к себе.

Узкая тропинка — разросшийся голый крыжовник предательски цеплялся за штанины.

Калитка скрипнула хрусткой пружиной.

Артем чувствовал: силы его уходят. Перед глазами дробилось и множилась. Ноги по-пьяному гнулись.

Ощущая, что больше не может идти, он толкнул старуху вперед, а сам повалился на землю, обессиленный окончательно, — раскинув руки, лицом вниз.

Бешено, до скулежа хотелось жить.

Земля была холодной, как лед. Трава пахла сухостью. Сиплым свистом из горла выходил воздух. Артем лежал, но все чудилось ему, что он падает. Казалось, что мир вокруг него дрожит и кружится, издавая дикий, сводящий с ума гул. *«Господи, за что? Пускай все закончится!»* Ему чудилось, что ноги и спину обдаёт уже жаром. И еще — отчетливо всего — он чувствовал, как с каждым надсадным ударом сердца напрямик утекает в землю, выходит из тела густая горячая его жизнь. И что-то громко трещало, будто миру ломали кости.

«Да я ради тебя!.. Здесь будет город-сад!.. Решетка... Это же лиу-у-уди!» — бессмысленно и тупо билось в голове.

Тут ему начало мерещиться, что земля стала шевелиться, уползать, скребясь буграми травы о пульсирующую дикой болью рану. Артем хрипло застонал, почувствовав, как какая-то сила переворачивает его лицом вверх. Чернильное небо заглянуло в полные слез глаза. Небо было похоже на угольную плоску, с одного края расцветенную кроваво-красным. А с другого края смотрело на него перевернутое, бледное, как мел лицо. Над верхней губой на фоне бледности выделялся темный пушок.

— Звони, — не размыкая губ, умоляюще протянул Артем. — Пусть тушат...

Но понял, что не услышат, — сам себя не услышал.

Он поводил глазами и увидел, что поодаль стоит девчонка с двумя черными косами. Она истерично, захлебываясь, рыдала, прикрыв рот тонкими ладонями, глядела куда-то в сторону, и огненные блики ложились на щеки ярким румянцем. В ней Артему неожиданно померещилась его дочь — такой взрослой, какой он никогда ее и не видел... С лопающимся сердцем ему захотелось как-то утешить, чтобы она никогда-никогда больше не плакала, никогда больше так не пугалась.

«Ну перестань, — мысленно сказал он ей. — Куплю я тебе подарок на деньги эти проклятые...»

И тут он увидел старуху. Две спины, две фигуры — одна худая и юная, другая сгорбленная, еле переставляющая ноги. Юноша с длинными лохматыми волосами вел ее, поддерживая под руку, принимая на себя вес сухого старого тела, к стоявшим поодаль дребезжащим «ижам». При виде старухи на душе у Артема стало, наконец, спокойно — ощущение сытым домашним теплом разлилось по его груди.

«Ничего, мать, — сказал он ей мысленно. — Мы еще поживем. Отстроим все, как было. Вот теперь — поживем».

И ему вновь захотелось сказать, вложив последние силы и всю свою боль, всем и неизвестно кому: «Пусть тушат!» Но в голове окончательно спуталось — кто тушит, что тушат?

Он только услышал, как где-то далеко — за гулом и треском пожара, за звериной песней мотоциклетных движков, за истошным девичьим рыданием — сухо, барабанисто прокатился гром.

И уже теряя сознание, Артем почувствовал, как на лицо упали первые капли холодного осеннего дождя.